

НОГДА состоялось избрание Билла Клинтона на высший государственный пост США, в прессе, по телевидению на разные лады варьировалась одна и та же мысль: президент Соединенных Штатов моложе самого Мика Джаггера!

Да, Мик, который по популярности затмит любого политического деятеля мира, стал сегодня символом неувядаемой молодости для целого поколения. Воплощение протеста, дерзости, бунтарства 60-х годов. Один из основателей легендарного ансамбля «Роллинг Стоунз», Джаггер и по сей день продолжает вызывать споры: для одних он — само очарование, для других — отвратительное порождение «касоциальной», отверженной «приличным обществом» рок-генерации.

Внешне он мало изменился. Все та же худоба, тот же блеск глаз, элегантность силуэта, надменность осанки, быстрота и живость реакции. Невозможно поверить, что через несколько недель (26 июля) ему стукнет 50. Но это так: Майкл Филип Джаггер, уроженец британского города Дартфорда, выходец из самого что ни на есть среднего класса (отец — учитель физкультуры, мать — домохозяйка), — ныне миллиардер, сам отец пятерых детей (жену зовут Джерри Холл) и даже дедушка...

Истоки его славы восходят к далекому 1961 году. Именно тогда им совместно с Кейтом Ричардсом, Брайаном Джонсом, Биллом Уиманом и Чарли Уоттсом был создан ансамбль, без которого ныне невозможно себе представить музыку XX столетия. В противоположность «милым, добрым» «Битлз» «злые, нехорошие» «Роллинги» прочно ассоциировались в сознании «истеблишмента» с извращенным бунтарством, дебошами и наркоманией. В 70-е «Роллинг Стоунз» продолжали эксплуатировать свой имидж необузданных мятежников, пока наконец не стали восприниматься как живые классики рока. Еще бы: группой записано 43 альбома, с ее участием снято множество фильмов, в том числе такой знаменитый, как «Один плюс один» Жана-Люка Годара...

Впрочем, Джаггер в последние годы доказал, что может обходиться и без «Стоунз». Его сольная карьера к настоящему моменту реализовалась в трех альбомах и ряде сыгранных кинолент (например, в «Reign of Man» Николаса Рёга и «Нэде Келли» Тони Ричардса).

Рок-критика с момента его «измены» «Роллингам» неблагосклонна к Мику. Он, однако, уже привык к этой реакции «профи» — был, в частности, вполне готов к тому, что точно так же они примут его новый, третий сольный альбом «Wandering Spirits», объединивший в себе мотивы рока, баллад, блюза и даже ирландской народной музыки (альбом вышел в феврале этого года).

— Вот уже 30 лет я являюсь постоянной мишенью для прессы, — говорит Джаггер. — Однако сегодня мне на ее выпады просто наплевать. Мнение критики изменчиво и зависит от стольких обстоятельств, не имеющих к музыке никакого отношения! Впрочем, пусть она его меняет сколько угодно: если смотреть на вещи с известной долей злового цинизма, то понимаешь —

торые я и группа зарабатываем, отнюдь не ввели нас в лоно «высшего света». И, конечно, они не усыпили в нас естественного чувства справедливости, способности протестовать.

— В чем она проявляется?

— Мы были единственной рок-группой, которая записала песню, избличавшую лицемерие правительства, вступивших в войну в Заливе и одновременно про-

стительно была политическая позиция.

— Кое-кто говорит, что не столько музыка вас интересует, сколько возможность стяжать власть и деньги...

— Это неправда. Но нельзя и закрывать глаза на то, что рок превратился в бизнес, причем очень серьезный и жестокий. Куда надежнее будет, если ты сам поведешь в нем свои

лени непосредственно внутри залов и стадионов, где проходят концерты. Мои спонсоры это хорошо знают.

— Рок-н-ролл регулярно предрекают конец. Считаете ли вы, что жанр умирает?

— Нет, рок-н-ролл по-прежнему в силе. Потому что это музыка, побудителем которой были не деньги, но чувство и душа.

— Однако коммерческая суперэксплуатация способна погубить любое искусство.

— Сейчас мне кажется, что будущее музыкальной революции связано с феноменом рок-музыки в странах Востока. Там — идеальная почва для музыки протеста.

— Вы — духовный лидер для очень многих людей. Сознаете ли свою ответственность перед ними?

— Я против такой постановки вопроса. Я никогда не стремился поучать, я говорил только от себя и для самого себя. Меня никто никогда не избирал, стало быть, и ответственности особой на мне нет. Вот политики — они дают обещания, пусть они и выполняют их, у рокеров таких обязательств нет. Единственное обязательство, которое на мне лежит, — это качественно выступать на сцене перед публикой, чтобы она меня хорошо слышала и при этом находилась в безопасности. Все остальное меня не касается.

— Известно, что вы избегаете публично высказывать свое мнение по проблемам, далеким от музыки.

— Да, хотя спрашивать продолжают. Особенно когда возникает какая-то кризисная ситуация. Ну, например, стоит мне оказаться перед немецкими журналистами, как они тут же задают вопрос о причинах подъема расизма у них в стране.

— Победа Билла Клинтона — является ли она победой поколения Мика Джаггера?

— Победа человека, который протестовал против войны во Вьетнаме, который признался, что курил марихуану и изменял жене, который в черных очках играет на саксофоне по телевизору, короче, который «виноват» во всем том, за что нас в свое время пригвоздили к позорному столбу, — да, она может быть расценена как большая победа моего поколения.

— Полвека — тот рубеж, который редко перешатывают в своей сценической карьере артисты вашего жанра. В каком возрасте вы, секс-символ 60-х, увидите на покой?

— Вот классический пример дурацкого вопроса. Я музыкант, музицировать — это то, что я люблю больше всего на свете, и, значит, я буду это делать всю свою жизнь.

По материалам французских журналов «Ле Пуэн» и «Пари матч». Публикацию подготовила Юлка ЯТКОВСКА.

Тот, кто КАТИТ КАМЕНЬ В ОДИНОЧКУ

Лидер «Роллинг Стоунз» в свои 50
не собирается покидать сцену

критика, плохая ли, хорошая, не имеет ни малейшего влияния на публику. Почтайте специализированные издания — они полны дидрамов альбомов, которые продаются лишь в тысяче экземпляров. Посмотрите, чем заняты вершины чартов — дисками, которые слетят оттуда в одночасье. И все потому, что журналисты озабочены одним: как бы блеснуть хлестким словом, сенсацией, а отнюдь не серьезностью суждений о музыке. Но мне, повторю, не привыкать: когда твой портрет помещен на журнальной обложке, не все ли равно, что о тебе напишут где-нибудь на 112-й странице?

Другое дело, что моей семье, моим близким это назойливое внимание прессы нанесло большой вред. Вокруг них все время нагнетается искусственная атмосфера скандала. Хотя я, как все, имею право жить без того, чтобы за мной постоянно шпионили и охотились. По-моему, настала пора усовершенствовать наши законы. Ведь это чудовищно: в Англии до сих пор можно безнаказанно записывать телефонные переговоры и публиковать их в прессе; фотографировать человека в компании подружки, а затем публично измышлять, будто это его любовница.

— Не странно ли констатировать, что сегодня вы принадлежите к тому истеблишменту, который некогда так яростно вас отвергал?

— Я не думаю, что составляю часть истеблишмента. Я не принадлежу ни к аристократии, ни к церковной иерархии, ни к депутатам парламента. Вот они — истеблишмент. А те деньги, ко-

должавших продавать оружие противнику. Песня вызвала скандал, она была даже в повестке дня сессии британского парламента. У меня возникло впечатление, что я вернулся на двадцать лет назад: нас вновь посчитали антипатриотами. Спешу добавить, что песня не принесла никакого коммерческого успеха.

— А почему?

— Просто мы сказали то, чего людям не хотелось бы слышать. Политические песни вообще редко имеют успех. Что касается наших так называемых «ангажирующих песен», то это ведь скорее комментарий к общественным событиям, нежели политическая агитация. Рок-музыка сильно тем, что отражает момент, схватывает сиюминутность. Совершенно очевидно, что сегодня, например, я бы не написал «Street Fighting Man» (песня, датированная 1969 годом, была вдохновлена событиями мая 68-го). Да и потом — не стоит принимать рок слишком уж всерьез. Наши песни в основном анализировались, препарировались исследователями, в них выискивались скрытые символы и значения, а между тем их там и в помине не было...

— Касаться политики, будучи рок-музыкантами, — не все ли это равно, что играть в «анфан террибль», хитрых детей-озорников, знающих, что добродушные взрослые дяди спустят им все шалости, как бы вызываючи они ни были?

— Но мы не касались политики. Разве что если вспомнить о нашем участии в кампании борьбы за сексуальную свободу в 60-е годы — тогда это дей-

дела. Нет, я отнюдь не предназначен Богом для подобной деятельности и вовсе не люблю эту часть своей работы. Но я вынужден ее выполнять. Нас слишком часто предавали, давали ложные советы нечистоплотные и некомпетентные дельцы...

— Однако, прежде чем создать «Роллинг Стоунз», вы предназначали себя для деловой или политической карьеры, поскольку посещали лекции в Лондонской школе экономики.

— Сначала я вообще хотел стать журналистом, затем серьезно подумывал, не пойти ли в политику. Между прочим, в политике гораздо сложнее добираться до вершины, чем в музыке. Но есть у этих двух «вселенных» и масса общих точек. Например, «продаешь» себя как политик тем же способом, каким продают диски: то, что ты говоришь, менее важно, чем то, КАК ты это говоришь.

— Кстати о торговле. «Роллинг Стоунз» ведь была первой рок-группой, согласившейся принять спонсорскую помощь для организации турне от американской пивной фирмы «Будвайзер», тем самым оказав содействие ее коммерческой деятельности.

— Но это не значит, что я стал продавцом пива, или кока, или пепси. Мне часто предлагали деньги, и немалые, чтобы я появился в рекламном ролике с какой-нибудь бутылкой в руке. Но я всегда отказывался. Спонсорство — другое дело, это вещь приемлемая, если, конечно, ваш партнер заслуживает уважения. И все равно, я не люблю, когда рекламные щиты установ-